

СУДЬБА ПРОЕКТА «РУССКАЯ НАУКА». 1916–1920 (К 100-ЛЕТИЮ КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «РУССКАЯ НАУКА»): СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ / РЕД.-СОСТ. В. М. ОРЕЛ, Г. И. СМАГИНА, ОТВ. РЕД. Ю. М. БАТУРИН. СПб.; М., 2016. 848 с. ISBN 978-5-94668-189-6

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ *

В 2016 г. минуло сто лет одному из масштабных проектов Академии наук по истории науки – сборнику «Русская наука». Подготовка сборника, начатая в 1916 г. под руководством академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), завершилась в 2016 г. изданием книги «Судьба проекта “Русская наука” 1916–1920». Соработниками Лаппо-Данилевского выступили Ю. М. Батулин, В. М. Орел (1931–2014) и Г. И. Смагина. Действительно, сборнику выпала непростая судьба. Задуманный в качестве систематической серии очерков по истории отечественной науки, к моменту публикации он сам стал частью этой истории. И хотя срок реализации этого издательского проекта растянулся на целое столетие, его не следует считать «долгостроем». Последствия работы над сборником сказались значительно раньше, инициировав дальнейшие исследования по истории науки, продолженные академической Комиссией по истории знаний и Институтом истории естествознания и техники, входящим в структуру Академии наук. Очерки, написанные для сборника, продолжали

выходить вплоть до начала 1950-х гг., нередко уже после смерти их авторов. Подкомиссию (впоследствии комиссию) Академии наук по его подготовке можно отнести к предшественникам современного Института истории естествознания и техники. Книга «Судьба проекта “Русская наука” 1916–1920» стала продолжением двух других тематически с ней связанных сборников, подготовленных сотрудниками ИИЕТ¹.

Надо заметить, что сборник «Русская наука» постигла участь других изданий Лаппо-Данилевского. Так, например, первый том «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии», над составлением которого ученый работал около двадцати лет, вышел уже после его смерти в 1922 г. Докторская диссертация Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики» полностью не опубликована до сих пор. Издания 1990 и 2006 г. дают представление лишь о первом из двух томов

* Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

Работа подготовлена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015).

¹ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. документов / Ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2003; В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского). Сб. статей и документов / Ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина; отв. ред. Ю. М. Батулин. М.; СПб.: Росток, 2013.

исследования². Впрочем, невозможность своевременно завершить работу над сборником и опубликовать его была вызвана трагическими обстоятельствами эпохи, в том числе и преждевременной смертью его организатора. До XX в. Академия наук, пожалуй, не знала столь крупных начинаний по истории русской науки. Энциклопедичность проекта сказалась в максимальной полноте представленных научных дисциплин и в требованиях историографической и библиографической основательности самих очерков.

История сборника «Русская наука» от замысла до публикации отдельных очерков прекрасно представлена в рецензируемом издании, поэтому повторять ее нет необходимости. Напомним только, что вдохновители сборника равнялись на аналогичное французское издание *La science française* (1915). Однако сборник «Русская наука» выгодно отличался от него именно структурным единообразием очерков, полнотой охвата материала и его систематическим изложением. В то же время не стоит недооценивать если и не подражательность самого проекта, то по меньшей мере его ориентацию на европейских ученых. Сборник «Русская наука» имел явный идеологический подтекст. Он был рассчитан на восприятие со стороны западноевропейских ученых и призван показать успехи русской науки,

пройденный ею исторический путь и продемонстрировать единство научных поисков в России и Европе. Задача сборника состояла в том, чтобы представить русскую науку в качестве части европейской научной традиции. Не случайно издание сборника планировалось на двух языках – русском и французском. В этом отношении он имел предшественников. Можно вспомнить «Рассуждение о причинах Свейской войны» П. П. Шафирова (1717) и «Антидот» (1770), также в значительной степени рассчитанные на внешнее восприятие. Инициаторы сборника, конечно, не стремились смоделировать «экспортный вариант» отечественной науки, но по крайней мере надеялись познакомить европейцев с ходом русской науки и по возможности преодолеть высокомерие европейских ученых. Нынешнее положение дел едва ли сильно отличается от ситуации столетней давности. Интерес к русской науке, знание ее среди западных ученых, а также интенсивность исследований по истории русской науки зарубежом заметно уступают аналогичным исследованиям по истории западной науки в России. С этой стороны сама идея сборника «Русская наука» остается вполне актуальной. Однако наконец-то состоявшееся издание сборника не смогло в полной мере реализовать изначальный замысел. Сборник так и остался историей науки в России и для России. Пожалуй, это один из главных уроков, который можно извлечь из судьбы «Русской науки». В то же время издание прекрасно показывает, как изменилась за прошедшее столетие структура научного знания. Два из трех разделов

---

² Ланпо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990; Ланпо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Кёльн; Веймар; Вена: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005.

сборника были отданы гуманитарным и социальным дисциплинам. В современном технократическом обществе, в котором господствуют утилитарные ценности, трудно представить, что еще столетие назад Россия была по преимуществу гуманитарной цивилизацией.

Сборник «Русская наука» планировался в объеме 100 п. л. Изданная книга «Судьба проекта “Русская наука”» составляет около 56 п. л., что позволяет судить о том, в какой мере проект был реализован. Она включает не только очерки, подготовленные в свое время для сборника «Русская наука», но и исследование по истории самого сборника и соответствующей Комиссии АН, занимающее около сотни страниц, а также подборку материалов и документов, связанных со сборником и комиссией. Некоторые очерки опубликованы в сокращенном варианте, что вызвано издательскими ограничениями. Подробно воспроизведена хронология работ по подготовке сборника, сопровождаемая публикацией редких архивных источников. Особую ценность книге придает публикация трех ранее не издававшихся очерков: «Астрономия» А. А. Белопольского, «Латинский язык и литература» А. И. Малейна и «Новая история» Н. И. Кареева, за что, конечно, надо выразить особую благодарность Г. И. Смагиной.

Составители сборника также постарались раскрыть контекст работы над «Русской наукой». Прежде всего это нашло отражение в главе «Идеи, “ витающие в воздухе ”» (с. 22–27). В качестве дополнения к приведенным в ней сведениям можно упомянуть предложенный В. И. Ламанским в программной

статье «О распространении знаний в России» (1857) проект «Общества распространения знаний», главную цель которого он видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения»³. Вероятно, можно говорить об определенном влиянии этих идей Ламанского на Лаппо-Данилевского. Годы обучения Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете Петербургского университета пришлось на деканство Ламанского. Первой публикацией Лаппо-Данилевского была рецензия на издание Ламанским документов из венецианских архивов⁴. Сам Ламанский считал этот сборник документов одной из своих главных заслуг перед наукой. В мае 1891 г., т. е. вскоре после начала преподавания на историко-филологическом факультете, Лаппо-Данилевский писал М. А. Дьяконову, что «на нашем факультете из старых профессоров — Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела»⁵. Избрание Ламанского в Академию наук в 1900 г.

³ Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник. Литературный журнал. 1857. Т. 63. С. 39.

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. — Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В. И. Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. II. С. 21–38.

⁵ Цит. по: Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. С. 61.

проходило уже при непосредственном участии Лаппо-Данилевского. В своем дневнике Ламанский отмечал, что Лаппо-Данилевский первым приехал поздравить его с избранием сразу после завершения голосования в АН. Лаппо-Данилевский не разделял славянофильских взглядов Ламанского, поэтому, помимо личного уважения, основой для такого поступка могло быть признание других научных убеждений и заслуг старого профессора. В проекте «Общества распространения знаний» Ламанский прямо говорил о науке как форме народного самосознания. Задачей же сборника «Русская наука», по словам Вернадского, также было «пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса» (с. 18).

К контексту «Русской науки» можно отнести исследования, которые в той или иной степени пересекались с планом сборника. Годом ранее (1915) началась подготовка издания к столетнему юбилею Петербургского университета. Оно включало в себя биографический словарь под редакцией Н. И. Веселовского и очерки по истории подразделений (отраслей знаний). Причем круг авторов этих очерков и их тематика во многом совпадали с планом сборника «Русская наука». Можно предположить, что идея сборника «Русская наука» могла вырваться в среде авторов юбилейного издания. Собранные материалы не опубликованы до сих пор⁶.

---

⁶ *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2016. Т. 1. С. 35.

В архиве не сохранились рукописи очерков, которые для «Русской науки» планировал написать сам Лаппо-Данилевский. Трудно представить, что, ставя сроки сдачи материалов, он так и не приступил к работе над своими очерками. В 1920 г. вышел номер «Русского исторического журнала», специально посвященный памяти Лаппо-Данилевского, в котором был опубликован его неоконченный «Очерк развития русской историографии»⁷. И хотя в примечании «Очерк» был обозначен как «предназначавшийся для английского издания», по структуре и содержанию он вполне соответствует аналогичному очерку «Русская история», закрепленному за Лаппо-Данилевским ученым в сборнике. Над «Очерком развития русской историографии» Лаппо-Данилевский работал в те же годы, что и над «Русской наукой». Оба очерка планировалось опубликовать на иностранных языках (один на английском, другой на французском). Оба очерка были ориентированы на восприятие со стороны европейских ученых. Трудно представить, что в этой ситуации Лаппо-Данилевский мог подготовить два принципиально различных очерка. С большой долей вероятности можно предположить, что и «Введение в русскую социологию» Н. И. Кареева представляет собой расширенную версию не дошедшего до нас очерка «Социология». Отчасти, вероятно, неопубликованная книга Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (в первоначальном

---

⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.

варианте обозначенная как методология общественных наук), содержащая главу «Научная работа в области исторических построений», является не только пособием к университетским лекциям, но и результатом его работы над очерком «Методология истории (в совокупности)» для «Русской науки».

Приходится сожалеть, что составители не решились опубликовать очерк П. К. Коковцева «Семитическая филология», написанный для сборника «Русская наука», сославшись на «волю автора», просившего рукопись «не печатать, а уничтожить» (с. 4). В этом есть доля лукавства. Воля автора в любом случае не соблюдена: очерк не был уничтожен, а передан в архив. Более того, воля автора была высказана в 1933 г., т. е. за девять лет до его смерти в блокадном Ленинграде. Иными словами, тот факт, что он сам не уничтожил рукопись, может свидетельствовать об изменении его решения. История знает немало примеров нарушения «авторской воли». Можно вспомнить рукописи Ф. Кафки, которые он тоже завещал уничтожить. Теперь едва ли кто упрекает его душеприказчика в том, что он не последовал воле автора. Если уж сборнику «Русская наука» суждено было выйти сто лет спустя, то в максимально полном варианте. Сейчас

трудно представить, что после столь объемной исследовательской и архивной работы, которую проделали Смагина и Орел, найдется ученый, готовый ее повторить (поднять архивные материалы, сверить тексты, подготовить комментарии и проч.). Конечно, некоторая «недосказанность» сборника дает простор последующим исследователям. Однако, я думаю, что этические (публикация очерка Коковцева) и технические (полное издание всех очерков) затруднения можно в какой-то степени преодолеть, если помимо традиционного книжного варианта представить и полную электронную версию «проекта сборника “Русская наука”», которая могла бы быть размещена на сайте ИИЕТА. В электронную версию можно включить несокращенные версии всех очерков, в том числе и факсимиле рукописи Коковцева. Помимо собственно исследований по истории Комиссии «Русская наука», Комиссии по истории знаний и архивных публикаций, которые есть в книге «Судьба проекта “Русская наука”», электронная версия может быть дополнена статьями И. В. Тункиной, В. Д. Есакова и других ученых, также писавших о сборнике. Все это позволит представить сборник «Русская наука» в наиболее полном виде и сделает его более доступным.